

Путь в системе ритуала завершается жертвоприношением. Здесь смысл жертвы связан с превращением хаоса в космос, с возвышением к новой ступени бытия и с приобретением нового понимания мира.

В “Сымон-музыка” Н. Пинигина акцентирована сцена страдания возлюбленной и музы героя, Ганны, сознание которой мутится после насилия над ней. Постановщик придает этой сцене смысл трагедии самого Сымона. Жертва расценивается как обрыв в душе героя самых нежных струн, т.к. Ганна понимается как символ самого чистого и незащищенного в самом Сымоне. Потеря Ганны аналогична потере Орфеем Эвридики. Одним из первых на дуальную соотносимость четверых персонажей обратил внимание В. Конон. “Заклучная сцена драмы – пратое, як Сымонка музыкай зачараваў пекла смерці і вярнуў да жыцця-памяці Ганну. <...> вір пякельны сам зачараваны жыватворнымі гукамі музыкі. Пад чароўную калыханку Ганна засынае, каб прачнуцца да жыцця. Паэт выбраў героіка-аптымістычны варыянт паэтычнага міфа пра Арфея і Эўрыдыку. <...> Класічнае мастацтва хрысціянскага свету арфічнае па сваёй сутнасці, бо светлы міф пра Арфея, перамога над смерцю – гэта “музычная” уверцюра да велікоднай хрысціянскай містэрыі” [5, с. 158].

Последний и высший момент ритуала – достижение обожения и полноты всеобъемлющего бытия.

Сымон оставляет землю, отплывая-взлетая на ладье, рядом с Ганной поднимаясь над планшетом сцены. Соединение героев в одной ладье соотносимо со встречей мужского и женского начал в целостности бытия.

В монохромности крестьянских свитков, пронизанной всполохами красного, на фоне всеобщего черного спектакль необычайно и строго красив. Музыкальная партитура, хореографическая составляющая, внешнее изящество и внутренняя грация, ясная и четкая композиция – всё это выводит его за границу эстетизма в мистерию первозданности форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паневіч, Г. Генетычныя асновы вобазнасці / Г. Паневіч // 3 глыбінь народных / А. Лойка (гал.рэд) і інш. – Мн., 1982. – С. 29 – 40.
2. Юнг, К.Г. Душа и миф : шесть архетипов. / К.Г. Юнг. – М., 1997.
3. Конан, У. Беларускі музыка-Арфей / У. Конан // Полымя. – 1992. – № 11. – С. 149 – 158.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЯ

Е.Э. Кривоносова

Витебск, ВГУ

Республика Беларусь, наряду с другими постсоветскими государствами относится к транзитивным, трансформирующимся обществам. Адекватное понимание современного трансформационного процесса требует учета ряда факторов: экономических, социальных, духовных и политических. Мы остановимся на последних.

Как известно, в западной (и не только) политической мысли существуют два подхода к рассмотрению механизмов и средств модернизации: либеральный и консервативный. В рамках либерального подхода проводится мысль о необходимости всестороннего развития либеральной демократии, внедрения ее норм и

ценностей, как предпосылки модернизации других сфер общественной жизни: экономической, социальной, духовной. Именно этот подход был взят на вооружение идеологами горбачевской перестройки, которая обернулась распадом СССР. Это произошло потому, что политическая демократия забежала вперед социально-экономических преобразований, и многие государственные институты утратили контроль над общественными процессами. Представители консервативного подхода модернизацию общества связывают, прежде всего, не с уровнем демократизации, а с укреплением прочности и стабильности государственной власти, которая может провести реформирование всех сторон общественной жизни. Политические процессы стали исследоваться с учетом их национального, культурного контекста. Опыт некоторых стран показал, что модернизация возможна не при ослаблении, а даже при усилении традиционной модели культуры и сохранении основ политической системы.

Безусловно, модернизация общества невозможна без его демократизации как средства и цели. Другое дело, что понимать под демократией и каковы пути ее реализации. И в этом вопросе также проявляются два подхода. Первый связывает развитие демократии с трансформацией правосознания, политической культуры населения, его глубинных ментальных структур. Вследствие этого процесс демократизации общества занимает длительный исторический период. Теоретики и практики так называемого институционального подхода исходят из того, что сам процесс юридического оформления демократических политических институтов, введения многопартийности, альтернативных выборов, свободы СМИ и т.д., однажды начавшись в посткоммунистических странах, естественным образом превращается в механизм правил и технологий реализации демократии.

Возникает вопрос: можно ли либеральную демократию рассматривать в качестве высшей общечеловеческой ценности и универсального закона развития человеческой цивилизации?

В первые годы после распада СССР на постсоветском пространстве возобладавало мнение, что путь либеральной демократии – это единственно возможный путь решения стоящих перед обществом проблем. Такой подход активно пропагандируется и навязывается странам СНГ западными политиками, находится в центре PR-технологий. Вместе с тем в последнее время ценности либеральной демократии все больше подвергаются критическому анализу. О чем идет речь?

Прежде всего следует учитывать, что устои демократии разъедаются, деформируются социальным неравенством. Что такое либеральная демократия? Это применение равных юридических и политических мерок к неравным людям. При этом даже преуспевающие западные страны все сильнее раскалываются на составляющий меньшинство класс экономических победителей, обитающих в космополитическом мире изобилия, и растущий класс социальных аутсайдеров, у которого мало надежд совершить экономическое восхождение. В современных условиях демократия как способ политического управления обществом сталкивается с беспрецедентными вызовами, ставящими под сомнение некоторые весьма существенные ее характеристики.

Многие исследователи справедливо указывают на недопустимость шаблона, унификации в осуществлении демократических преобразований. Мировые процессы не укладываются в рамки шаблонов, унифицированных либеральных концепций. Вряд ли все страны примут западные либеральные ценности полностью и без остатка. Можно и нужно говорить о расширении типологического разнообразия демократий. Можно сказать, что единство исторического процесса – это совместимость несовпадающих векторов развития. Известный американский социолог

лог Д. Белл также придерживается мнения, что модель либеральной демократии вряд ли подходит для стран с неразвитым гражданским обществом и слабыми традициями общественного самоуправления. Таким странам больше подходит система «мягкого авторитаризма». К ней можно относиться критически, но она в большей мере отвечает сложившимся в этих странах реалиям и потому укоренена в национальной почве. Таким образом, когда речь идет об утверждении в жизни народов принципов демократии, следует учитывать, что здесь действует диалектика общего, особенного и единичного.

И еще об одном аспекте либеральной демократии нельзя не сказать. Она, как известно, базируется на всеобщем избирательном праве, согласно которому каждый гражданин имеет право быть избранным в органы государственной власти, а также голосовать за того кандидата, программа которого ему больше импонирует. Выбор же программы зависит от получаемой гражданином информации, которая подается СМИ. Но в результате выигрывают выборы те, кто распоряжается СМИ, кто их финансирует. Во время избирательных кампаний народ превращается в электорат, в массу, в отношении которой все чаще используются не методы убеждения, а методы внушения, манипулирования сознанием. «Манипуляция сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивидуума свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции полностью утрачивает возможность рационального выбора, ибо ее желания программируются извне. ... Фактически, это – ликвидация главных гражданских прав, а значит, ликвидация самой принципиальной основы западной цивилизации. На ее месте возникает новый, худший вид тоталитаризма, заменившего кнут гораздо более эффективным и более антигуманным инструментом – «индустрией массовой культуры», превращающей человека в программируемый робот» [1, 49]. После же окончания выборов рядовые избиратели исключаются из политической жизни.

Конечно, из всего сказанного не следует, что диктатура лучше демократии. Но абсолютизация демократии также опасна, как и абсолютизация диктатуры. Здесь надо учитывать конкретно-исторические условия страны и соблюдать меру. Демократия – это не просто состояние общества, а перманентная задача, длительный и мучительный процесс формирования политической и правовой культуры граждан, привлечения их к реальному и повседневному участию в решении насущных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2006. – 832с.

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1920-е ГОДЫ

А.Г. Ливицкий
Витебск, ВГУ

Национальные воинские формирования присущи большинству многонациональных государств и представляют собой соединения, части, подразделения, комплектуемые из граждан исключительно или преимущественно из граждан одной национальности.